

Это — устав Братьев, служащих Германскому Братству Святой Марии во славу всемогущей Троицы.

*Первая фраза устава
Ордена Тевтонских рыцарей. 1238 год*

ПРОЛОГ

...Треск льда под копытами своей лошади Зигфрид услышал сразу. А потом — ощутил. Боевой жеребец качнулся, заваливаясь на бок, забил копытами, от которых отлетали комья налипшего на бабки снега. А дальше — ожог ледяной воды, и жуткая, непреодолимая сила, которая, схватив рыцаря огненными руками, потащила куда-то внутрь зелено-вато-черной хмари бездонной глубины озера. Теперь-то воин понял, почему князь русских варваров Александр, по прозвищу Невский, выбрал подтаявший на апрельском солнце лед местом решающей битвы. Тысячи людей и коней, тяжесть доспехов, по которой тевтоны превосходили еретиков... Все это давило на поверхность замерзшей воды с такой силой, что корка истончившегося льда лопнула, и теперь ничто не мешало более легко вооруженным русским спокойно дожидаться, пока рыцари и кнехты перетонут один за другим. Поскольку спасти вторгшихся в их пределы чужеземцев хольмгардцы, естественно, не собирались. Более того, рыцарь еще успел увидеть, как откуда-то со стороны к нему приближается острое рогатины. Пытаясь избежать удара, он рефлекторно вскинул меч, и в этот момент вторая рука в латной перчатке скользнула по поверхности льдины. А в следующий миг в легкие хлынула вода, и, камнем идя к далекому неведомому дну, Зигфрид все пытался набрать в грудь живительного воздуха, но — тщетно. А потом его сознание померкло.

«Конец. Да смилуется Пречистая Дева над грешником!..»
Это была последняя мысль...

Крестоносец пришел в себя от легких ударов по щекам. Он жив? Жив?! Открыл глаза — над ним склонился кто-то из кнехтов. Увидев, что рыцарь очнулся, заорал обрадованно куда-то в сторону:

— Господин фон Валленберг, еще один живой!

Знакомый густой бас графа Зигфрид узнал сразу.

— Хвала Господу нашему и непорочной Деве Марии!
Брат Зигфрид, как вы?

В голосе графа слышалась неподдельная тревога, а в следующий момент в поле зрения лежащего на спине воина появилось лицо, словно вырубленное из дуба. Шлем крестоносец снял, а может, потерял. Только кольчужный хауберг прикрывал голову.

— Меня... спасли? Мы в плену?

И тут же понял, что сморозил глупость. По мере того как сознание возвращалось, он ощутил, как накалились под солнцем доспехи, в уши ворвалось щебетание птиц. Только вот голоса какие-то незнакомые. Впрочем, кроме ворон, Зигфрид никого не слышал в славянских землях. Приподнялся на локте, с трудом поворачивая голову, посмотрел по сторонам. Да что же это?! Высокие деревья с густой зеленью, кустарник... Он готов был поклясться, что только что была ранняя весна и все вокруг покрыто снегом в этой промерзшей насквозь Гардарике. А тут...

— Брат Зигфрид, если ты пришел в себя — поднимайся. Не время сейчас разлеживаться. Многим из нас нужна помощь. Пища, в конце концов. И надо понять, где мы. Но самое главное — как мы тут очутились?

Возникла закованная в броню рука, и рыцарь, ухватившись за нее, смог наконец подняться при помощи ухаживавшего за ним кнехта, во время разговора стоявшего безмолвным столбом. С высоты роста стало видно гораздо больше. Лежащие на земле, на грудах наспех наломанных веток, Братья и кнехты. Уныло бродящие между распростертыми на земле телами кони и люди. И все — подавлены произошедшим с ними чудом. Прислушавшись, Зигфрид уловил жаркий спор совсем неподалеку:

— Это — кара Господня!..

— Нет, это — благословение Господа!..

— Кара!..

— Благословение!..

Отбросив в сторону сомнения, рыцарь опустился на колени перед графом.

— Я, Зигфрид фон Вальдхайм, приношу тебе, Карл фон Валленберг, вассальную клятву. Прошу тебя, распорядись мной!

Тот вздрогнул от неожиданности, затем выпрямился и ответил:

— Принимаю. Брат мой!..

ГЛАВА 1

— Я, Курт фон Вальдхайм, приношу обет и обещаю блюсти невинность, отказаться от собственности, быть послушным Богу и благой Деве Марии и тебе, Брат Конрад фон Зикинген, магистру Тевтонского Ордена, и твоим преемникам, согласно уставу и статутам Ордена, и буду послушен тебе и твоим преемникам до самой смерти...

Юноша наконец смог перевести дух — хвала Господу и Святым Сподвижникам, он смог произнести клятву без запинки. Опустил непокрытую голову еще ниже, уставившись на квадратные носки надраенных до сизого блеска сапог и придерживая древко с родовым знаменем. Легкое касание ритуального меча (по легендам, еще с той, древней Земли) по плечу с шитым эполетом. Затем негромкий, хрипловатый голос командира учебной комтурии, старого заслуженного воюки, принимающего клятву от имени Гроссмейстера Ордена: — Служи верно. Служи честно. Служи достойно.

Так, теперь выпрямиться, шелкнуть, как положено по уставу, каблуками, вновь склонить голову, левую руку положить на рукоятку кортика, правой — выпрямить знак Рода, доселе почтительно склоненный перед старшими, расставить ноги на ширину двух подошв. Готово! Теперь он не кандидат, не призывник. Первый офицерский чин — фанен-юнкер! Молодой человек с гордостью взглянул прямо в иссеченное морщинами лицо Брата Ордена и едва смог подавить удивление, поймав в ответ едва заметное подмигивание...

Георг фон Ризенплатц сделал ровно два шага в сторону — его ждал очередной выпускник Академии. Снова ритуаль-

ная клятва. Привычный легкий удар мечом по плечу. Этот обряд сохранился еще со времен Исхода, ему больше тысячи лет. Впрочем, не дело начальника военной школы задушиваться над подобными вещами. Задача командира — обучить подчиненных так, чтобы их вернулось из победоносно-го боя как можно больше...

Последний. Хвала Господу нашему! Брат-управляющий повернулся вдоль строя, осененного белым знаменем с черным прямым крестом, затем не спеша прошел к возвышению и, поднявшись на него, сделал знак герольду. Сегодня почетную должность занимал заместитель начальника Академии. Тот поднес большой, настоящий рог к губам, и над выложенным базальтовыми плитами плацем раздался высокий сильный звук сигнала, призывающего к вниманию. Пусть все знали, что его издают машины, никто не улыбнулся. Наоборот, все словно окаменели, поскольку именно сейчас будет решаться судьба каждого выпускника.

Короткая команда. Шеренга повернулась направо. Первый слитный удар сапог по каменному покрытию ристалища прозвучал словно выстрел. Впереди стоял стол, покрытый алой скатертью. За ним — двое: Брат-инквизитор из Гроссбурга и сам Брат-управляющий. Каждый из принявших присягу курсантов подходил к столу, где ему вручали плотный конверт, определяющий дальнейшую судьбу выпускника.

Курт оказался чуть ли не самым последним, поэтому долго нервничать ему не пришлось, в отличие от других, особенно тех, кто был первым. Поскольку вскрывать пакеты разрешалось только после особого распоряжения. Вновь — короткая злая команда. Четкий парадный шаг. Ноги впечатывали подошвы с такой силой, будто пытались разбить толстые каменные плиты.

Брат взглянул на юношу, потянулся к очередному предписанию, но в этот момент произошло непредвиденное. Инквизитор одной рукой остановил руку управляющего Академией, а другой вытащил откуда-то из складок ритуальной мантии точно такой же пакет и лично вручил его фанен-юнkerу. В чем дело?! Но тело действовало, казалось, само. Четкий поворот, взмах родовым стягом, семь (счаст-

ливое число!) четких шагов. Подбежавший кнехт, из младших учеников, ловко подхватил древко, освобождая руки. Курт застыл, сжигаемый пламенем нетерпения. Спыхватился, услышав новую команду. Застыл по стойке «смирно».

Снова сигнал герольда, и... в воздух взмывают синие береты! На сутки все новоиспеченные офицеры свободны. Они могут навестить семьи, просто отправиться развлекаться, и никакая Святая Инквизиция им ничего не сделает. Это — закон. Сутки, предоставленные выпускникам законом и уставом. Хох!!!

Курт выхватил полученный пакет, пальцы рванули узел печати, глаза мгновенно пробежали угловатые буквы, и юноша ахнул про себя — за что же его так?! Легкий люгер «Фон Валленберг»! Почти все попали на трабакколо и каравеллы, тяжелые каракки, а он... Позор. Всего лишь люгер! Крохотный кораблик с экипажем в двадцать человек. Курта словно ударили дубиной шрехта по затылку...

Скоростной состав нес новоиспеченного офицера через Новую Ливонию. Остались позади суровые, строгие башни Цитадели Карла фон Валленштейна, первого Гроссмейстера Ордена после Дня Божьего Суда. Древние камни видели многое, хорошее и плохое. Кровь казненных туземцев и изменников Делу Господню, и радость побед Братьев. Первые успехи и поражения. Словом, то, что кое-кто хотел бы навсегда вычеркнуть из памяти людей, живущих на Тевтонии...

Курт вздохнул: похоже, он чем-то прогневил Святую Инквизицию. Правда, скорее всего, ничего серьезного, иначе бы его пепел уже давно был развеян на Поле Еретиков, где совершаются казни над отступниками. Так, мелочь, о которой сам грешник и не подозревает, но которая оставила несмываемую метку на его дальнейшей жизни и перечеркнула всю карьеру молодого человека.

Еще раз вздохнув, юноша уставился в узкое окно, прорезанное в стене купе, рассматривая придорожный пейзаж. За толстым стеклом мелькали дома, усадьбы. Четкие квадраты тщательно возделанных полей, садов и огородов. На скоро-

сти в двести лиг¹ в час много не рассмотришь. Так, общие очертания. Но иногда можно было заметить сгорбленные фигурки шрехтов-крепостных на сельскохозяйственных угодьях или дымящие громадными конденсаторами литиевых реакторов трубы мануфактур, на которых производилось все необходимое для жизни людей. Густая зелень лесов, чуть сизоватая — травы сливались в сплошной фон. Помедлив, Курт нажал пуговку вызова прислуги. Где-то внутри вагона вспыхнула лампочка вызова, и буквально через минуту перед фанен-юнкером склонилась фигурка девушки из шрехтов в положенном к ношению колпаке.

— Что желает господин?

— Кубок воды Грайнвельда и закусить.

— Окорок, ветчина, дичь?..

Парень на мгновение задумался:

— Окорок. Быстро!

Женская фигурка исчезла в проходе, чтобы спустя некоторое время появиться с подносом, на котором красовались тарелка с мелко нарезанным, розовым до прозрачности мясом тука и небольшим бокалом с горячительным. Отпущенница в поклоне перед свободным гражданином поставила принесенную еду на столик, сделала шаг назад и, не выпрямляясь, произнесла:

— Я могу идти, господин?

Курт сделал нетерпеливый жест, и когда туземка убежала, чинно и неторопливо принялся за шнапс и закуску. До военной базы было почти десять часов пути. Домой ехать не захотелось — узнав о назначении сына, отец бы вспылит, и дело закончилось бы скандалом. Зачем же портить последние часы свободы? Лучше он проведет их прямо в Валенвильде, где располагается космопорт номер двадцать четыре, к которому приписан его будущий люгер. Тьфу!.. Прости, Господи!

Юноша торопливо перекрестился и трижды сплюнул через левое плечо. Хвала Деве Марии, что он — военный и едет в первом классе! Увидел бы его кто — Курт простой епитимьей не отделался бы. Минимум — пять ударов кнута. Подумать только — плевать на пол! Позор! Нет, не зря

¹ Л и г а — 1002 метра.

говорил наставник по рукопашному бою: «Сдерживайте свои эмоции!..» Нужно срочно успокоиться.

Бесконечный массив Шварцвальдского леса помог прийти в себя. Самокопанием заниматься не было ни малейшего желания. Помедлив, юноша полез в сумку и, покопавшись в скромных пожитках, вытащил увесистую книгу. Вроде бы и читана-перечитана, но все равно каждый раз он находил что-то новое для себя: «Житие и достопамятные деяния Братьев Ордена»...

Полузабытая, легендарная Родина Предков, в которую уже никто из ныне живущих не верил. Тяжелые первые годы, когда охваченные смятением Братья больше молились, чем занимались делом. Тогда Орден едва не погиб, если бы не... чудо. Чудо, ниспосланное непорочной Девой Марией верным и храбрым! Когда одна из охотничьих партий нашла то, чему нет описания и слов в языке людей. В те времена его называли Ковчегом... Огромное железное чудовище, битком набитое невиданными яствами и волшебными механизмами. Ну, в те забытые дни Братьям эта находка поначалу показалась искушением дьявола. Некоторые горячие головы даже хотели обложить чудовище хворостом и сжечь. Хвала Господу нашему и Пресвятой Деве Марии, что просто не хватило сил сотворить подобную глупость! Да и Двадцать Пять вмещались. Иначе первый год пребывания Ордена на Тевтонии оказался бы последним...

Очередной плоток из бокала. Следующий ломтик необыкновенно вкусной ветчины, буквально тающей во рту. Чревоугодие! Фанен-юнкер спохватился и заработал челюстями быстрее. Часы пути летели незаметно, количество непрочитанных страниц уменьшалось на глазах. Глаза скользили по напечатанным острым готическим шрифтом строкам, и перед юношей разворачивалась эпическая баллада о завоевании нового мира...

— Господин! Господин!

Курт открыл глаза, спросонок не понимая, кто к нему обращается. Но как только сознание окончательно запол-

нило мозг, взор прояснился, и перед ним возникла фигурка прислуги:

— Господин! Ваша станция через тридцать минут.

Молчаливый кивок в ответ, но девушка не уходила.

— Что еще?

— Полотенце, умывальные принадлежности, бритву?

Ого! Путешествие первым классом, оказывается, имеет свои прелести!

— Принеси все, что нужно.

Та вновь склонила увенчанную нелепым убором голову, шагнула чуть в сторону и раскрыла створки незаметного шкафчика. Вытащила оттуда плотно запечатанный пакет из синтетической бумаги, протянула юноше. При этом движении их руки соприкоснулись, и туземка зарделась, словно цветок Христа, окрашенный в цвет крови Господа. Она торопливо отдернула руку назад:

— Простите, господин...

— Свободна.

Едва туземка исчезла, Курт торопливо сбросил китель и приступил к приведению себя в порядок. Состав шел настолько ровно, словно стоял на месте. Ни гула мощных магнитов, ни свиста рассекаемого воздуха. Юноша еще раз придирчиво осмотрел себя в зеркало, вмонтированное в дверь купе. Надраенные до блеска сапоги, синие брюки, заправленные в высокие голенища, цвет мундира говорил о принадлежности к Военно-космическому флоту. Белоснежный парадный китель с крестами в петлицах и витым погоном на левом плече, широкий ремень настоящей кожи, с портупеей, на которой висит длинный, почти до колена, кортик офицера и дворянина. Пусть фрайхера, самого низкого, но зато — титульного. Между тем темное небо за окном, усеянное сотнями звезд и дымкой Туманности, вдруг озарилось сиянием — поезд приближался к станции.

Космопорт номер двадцать четыре — огромная база космофлота Ордена, сотни лиг в длину и ширину, занимающая добрую четверть Гроссландии, одной из административных земель...

Подхватив свои пожитки, молодой человек закрыл за собой купе, бросил ключ в висящий возле помещения проводника ящик и двинулся по коридору к гостеприимно светящемуся выходу. Возле него, против ожидания, никого не было. Впрочем, действительно, откуда в вагоне, предназначенном для особо важных или особо родовитых аристократов Ордена, пассажиры, подобные Курту? Так что сойти с поезда придется в полном одиночестве. Это завтра весь выпуск, все двести человек ринутся наружу, спеша оказаться на перроне в короткое время стоянки экспресса, который за сутки обходит по кругу всю планету, по всем двенадцати Орденским Землям. Нет, все-таки Курт не шрехт, грязный абориген, а настоящий человек! Истинный! И голова у него варит, особенно, когда прижмет...

Валенвильд встретил новоиспеченного офицера раздражающей суетой. Курт привык к размеренной жизни Гросебурга и Академии, а здесь... Толпы свободных на улицах, транспорт, везущий в своих кузовах необходимые грузы. Это так отличалось от всего, что юноша видел раньше, что он невольно застыл на месте, приоткрыв рот и глаза по сторонам.

Внезапно его толкнули, рука сама рванулась к кортику, но тут по месту, где только что стояли его сапоги, промчалась чуть ли не целая комтурия кнехтов-десантников, которых выдавали воротники кителей с лимонно-желтым кантом. Курт обернулся поблагодарить своего спасителя, поскольку без его помощи был бы просто затоптан, но рядом уже никого не было. Вздохнув, парень подхватил чемодан, вынул из кармашка предписание, аккуратно надорвал край. В руку скользнула легкая серая карточка с нанесенной на нее насечкой. Все. Дань традициям отдана. Пора возвращаться в свой мир. Курт прикоснулся пальцем к панели голонавигатора. Тот пискнул активирываясь. В руке вспыхнула объемная картинка его местоположения.

— Гостиница для офицеров.

На голограмме появилась белая точка. Сориентировавшись, Курт решительным шагом двинулся по указанному маршруту. Можно, конечно, взять наемный транспорт, но тут всего-то два шага...

— Фанен-юнкер Курт фон Вальдхайм! Прибыл в ваше распоряжение, Брат-командир!

Молодой человек послушно, согласно положению устава, ел глазами немолодого уже тевтона с лицом, испещренным многочисленными шрамами, полученными на дуэлях. Некоторые из ран были совсем свежие. Командир люгера пробежал глазами документы юноши, бросил их на стол, и, не предлагая присесть, откинулся на спинку кресла.

— Итак, парень. Ты только что из Академии. За какую провинность назначен к нам?

Курт едва смог сдержать эмоции:

— Не могу знать, Брат-командир! Предписание мне выдал лично Брат-инквизитор!

Хозяин каюты скривился. Только этого не хватало. Впрочем, пути Господни неисповедимы, и не ему решать, почему вдруг Волки Господни решили подобным образом судьбу этого сосунка. Все новички одинаковые. Вначале плохо скрываемое презрение к кораблю и экипажу, многочисленные рапорты начальству с просьбой о переводе. А когда приходит отказ, начинается либо прямой саботаж, либо — запой. Уйти с «Фон Валленберга» любым путем! Ладно... Хотя, если откровенно, парень вроде неглупый. Аттестат просто белоснежный. По всем дисциплинам полные «двенадцать». Гений? Скорее — зубрила. Инструкции и учебники выучил наизусть, а вот применить знания на практике... Ну-с, посмотрим.

— Ваш отец — Ульрих фон Вальдхайм?

— Так точно!

— Ладно. Хватит тянуться. Вольно!

Командир нажал кнопку вызова старшего помощника. Буквально через мгновение квадратная, со скругленными

краями дверь в каюту распахнулась, и на пороге нарисовался Леон Штольц. Из свободных граждан, но не аристократ.

— Отведи парня в рубку. Ознакомь с обязанностями. Похоже, что у него неплохо с математикой. Назначим на торпедные аппараты, комендором.

— Так точно!

— Потом определишь его на место жительства.

— Так точно!

— Свободны! — лениво махнул рукой.

Офицеры синхронно отдали честь и вышли. Старпом, едва оказавшись за дверями командирского отсека, с видимым облегчением вздохнул:

— Повезло!

— А?

Курт, недоумевая, взглянул на него. Перехватив взгляд, Штольц пояснил:

— Я уж думал, что на вылет пойдем в некомплекте. Как раз неделю назад наш торпедист того...

— Погиб?!

— Да нет... Переверлся. Идемте, господин фанен-юнкер.

В рубке управления ничего неизвестного юноше не было. Обычная стандартная панель, четыре кресла: пилотское, штурманское, командирское и секции управления огнем. Так что никаких затруднений не ожидалось. Старпом между тем пояснял:

— Как видите, кораблик наш небольшой. Но если что, не приведи Дева Мария, случится — способен надрать задницу любому гиганту. Только наемники получили новейшие торпеды «Валькирия». Чистейший тарунтин, девяностопроцентной очистки. Масса боевого заряда — двадцать две тысячи фунтов¹. Дальность прицельной стрельбы — шестьсот лиг. И таких игрушек у нас на борту пятьдесят!

— Ого!

Курт удивился: обычно люгер такого класса нес в отсеках не больше тридцати торпед. Откуда же остальные? Хорошо, что не задал вопрос, поскольку рот старпома не закрывался ни на минуту.

¹ Ф у н т — 3 килограмма.

— Год назад прошли модернизацию. Нам расширили зарядные погреба и установили две автоматические пушки. Правда, маленькие, но кораблю хватает. Идемте дальше, господин фанен-юнкер...

Они облазили люгер сверху донизу. Прошлись по всем отсекам, начиная с рубки и заканчивая комнатой для отправления естественных нужд. Познакомились с остальным экипажем. К величайшему сожалению новичка, его ровесников среди них не было. И молодой человек оказался самым младшим в команде. Впрочем, если бы Курт был чуть внимательней, заметил бы главное — его не приняли... То есть пусть в реестр его и записали, но вот слиться с теми, кто уже служил на борту, ему вряд ли удастся. Как метко заметил один из механиков, слишком зеленый, слишком горластый и слишком «слишком». Но истинная причина была в другом: молодежь упорно не шла на маленькие корабли, считая службу на них зазорной. Другое дело — каракки или трабакколо. Те — да, колоссальных размеров, с многочисленным экипажем и вооружением, способные на прорыв любой обороны или уничтожение любого соперника. Там — конечно... Таким вот молодым — и перспектива по службе, и уважение. Особенно на базе и в увольнении. А люгеры, торпедные кечи, минные шлюпы и ковчеги снабженцев считались низкосортными. И отношение к членам их экипажей со стороны «гигантов» было самое пренебрежительное. Так что вряд ли и этот молодой задержится надолго...

Юноша устало вытянулся на койке в крохотной каюте, положенной ему по должности. Хоть с этим повезло! Мудрые головы рассудили верно, что раз экипаж корабля маленький, а полеты — дело долгое, то человеку, чтобы избежать конфликтов, необходимо место для уединения. Так сказать, личное жизненное пространство. А что может быть лучше, чем, пусть мизерной величины, но своя каюта? Только механики и двигателисты имели помещения для отдыха на двоих, но, поскольку их вахты продолжались по двенадцать часов, то фактически они не пересекались, имея такое воз-

деленное после месяца полета одиночество. А на больших кораблях, где по четыреста—пятьсот человек экипажа люди спят в больших кубриках на десять—двенадцать человек. Отдельные помещения имеют только начальники подразделений да командный состав. Хуже всех десанникам. Тех вообще набивают в трюм, словно керью в бочку, и весь путь до места назначения люди проводят в ужасной тесноте. Впрочем, командирам пехоты тоже выделяют отдельные места, поскольку — аристократы. А вот рядовые кнехты, как правило, из простонародья.

Незаметно для себя Курт уснул...

Алекс фон цу Дорт вновь взглянул на досье. Молодой, необтертый. Совсем как его отец. Поначалу. Они вместе заканчивали школу первой ступени, а потом пути друзей разошлись... От воспоминаний отвлек мигающий огонек внешней связи, и Брат включил аппарат:

— Командир люгера «Фон Валленберг». Слушаю.

— Диспетчерская-140. Мария Шрайвер. Оберкнехт. Прошу прощения, командир, поступил приказ из управления космофлота. Вам необходимо срочно доставить груз энергоносителей на наземную базу 42-30 Фобоса. Контейнер заберете на орбите в точке 14-12. Код доступа — двести двадцать два. Как поняли?

— Вас понял. Назовите пароль?

— День Божьего Суда.

— Пароль подтверждаю...

По всем отсекам раздался вой тревожной сирены, имитирующей рог. Низкое мощное гудение заставляло членов экипажа вскакивать с коек и торопливо одеваться. Люди мчались сломя голову по узким переходам на свои боевые посты. Курт едва успел протереть глаза кулаком, а ноги уже сами несли его в рубку. Влетев туда, парень плюхнулся в кресло и только после начал чего-то соображать. Проклятье! Так и не переделся в повседневную форму! Не зря на него так косятся...

Между тем командир корабля уже начал предстартовый отсчет. Механический голос послушно произносил цифры, дублируемые на мониторах перед каждым постом. В бой? Вряд ли... Да и с кем? Скорее — плановый вылет... Ноль! Громовой рык стартовых ускорителей, дикий визг, проникающий даже через мощную броню, колес стартовой тележки. Отсюда, естественно, не видно через металл, но сейчас длинные снопы искр рассыпаются из-под роликов несущейся с бешеной скоростью катапульты. Факелы пламени одноразовых твердотопливных ракет, использующихся для разгона по эстакаде, смешиваются со всполохами разрядов гигантских электромагнитов. Зрелище со стороны просто апокалипсическое!

Навалилась тяжесть. Все больше и больше. Тяжело дышать, глаза ворочаются с трудом в ввалившихся орбитах. Знакомая багровая пелена от потяжелевшей, ставшей словно жидкий свинец, крови, которую с трудом прогоняет по сосудам напрягающееся изо всех сил сердце. К реву ускорителей примешивается вой рассекаемого воздуха. Кажется, или стало чуть теплее? Проходим атмосферу. Обшивка накаляется. Ну, это ненадолго. Скоро выйдем на орбиту, и тогда жара сменится холодом вакуума, да и все звуки, рвущие барабанные перепонки, тоже стихнут. Немного потерпеть, и все... О демоны! Мои глаза! Они что там, в двигательном отсеке, с ума сошли?! Ф-фу!!! Наконец-то! Дыхание выровнялось, краснота начала отступать. Хвала Деве Марии и мастерам-наставникам в Академии, гонявшим бурсаков на центрифугах и прочих силовых тренажерах. Как говорил Брат-наставник, в здоровом теле здоровый дух...

— Приготовиться к стыковке!

Руки автоматически легли на пульт, хотя от оружейника ничего не требовалось в данной ситуации. Просто дело привычки. Донеслась скороговорка штурмана, рулевого и командира, которые выполняли все необходимые операции. Скосив глаза, Курт увидел крохотные, едва заметные, просто тончайшие движения оператора полета, выдающие высочайшую квалификацию. Ничего себе! Да любой

командир трабакколо за такого специалиста что хочешь отдаст!

— Есть стыковка. Груз захвачен...

С ума сойти! Сложнейший маневр — захват контейнера в вакууме, и с первой попытки! Это куда же он попал-то?! Глаза юноши, казалось, сейчас вылезут из орбит от удивления. Между тем командир коротко взглянул на центральный монитор, подтвердил стыковку с грузом наземной станции слежения, затем ввел полученные в ответ координаты прохода. Отстегнулся, коротко бросил:

— Всем, кроме дежурной смены, отдыхать. Идем на Фобос. Сопровождаем груз топлива. Время на борту — центральное. Все свободны.

Курт отстегнулся и слегка всплыл над креслом. Ухватился за многочисленные рукоятки, торчащие отовсюду, извернувшись, двинулся к выходу.

— Да, фанен-юнкер...

— Слушаюсь, Брат-командир!

— Потихе... На таких кораблях, как наш, орать не принято. Я понимаю, что для вас первый боевой вылет — праздник. Но все же на флоте существует устав. И парадную форму на борту тот не предусматривает. Надеюсь, что в следующий раз вы появитесь в рубке одетым, как положено.

Лицо юноши залила густая краска, и он четко отдал честь, забыв, что находится в невесомости. От резкого движения тело изменило траекторию, и Курт больно треснулся макушкой о потолок. Но хотя от сильного удара едва не прикусил язык, а из глаз от неожиданной обиды брызнули слезы, тем не менее ответил:

— Виноват, Брат-командир! Больше не повторится.

Тот махнул рукой:

— Идите к себе, фанен-юнкер. Пока вы всю рубку не разнесли своей черепушкой. Похоже, что она у вас слишком твердая...

Позор!.. Оказавшись в каюте, Курт с размаха врезал кулаком по переборке и взвыл от острой боли. Так оскандалиться в первый же день, в первый полет! Наверняка уже ему и

кличку придумали. Ну свалился без задних ног! Все равно нужно было переодеться! Все усталость...

Юноша сидел, пристегнувшись к койке, и тихо, почти беззвучно подвывал сквозь стиснутые зубы, размышляя о будущем. Нет, все же Брат-инквизитор не зря послал на этот люгер. Видимо, разглядел своим всевидящим взором его полную непригодность к службе на настоящих, больших кораблях... Позор флота! Позорище семьи фон Вальдхайм! Позорище...

Курт затряс в воздухе жутко болевшей рукой, потом ухватил тубик с медицинским клеем и залил ссадины слоем лекарства, стараясь, чтобы тот не поплыл в воздухе мелкими шариками. К собственному удивлению, это ему удалось. Обождав пару минут, чтобы эмульсия схватилась, расстегнул пуговицы, аккуратно сложил парадную форму в чемодан. Теперь она ему очень долго не понадобится. До Фобоса — почти неделя. А там — пути Господни неисповедимы...

Парень стиснул зубы. Пусть он начал службу с инцидента, но видит Бог наш, Иисус Христос, и мать его, Непорочная Дева Мария, что все допущенные ошибки Курт исправит! И настанет день, когда все будут с гордостью и завистью говорить о нем...

— Командир, стоило ли так унижать пацана? — Штурман, летавший с Алексом уже пятый год, взглянул на Брата, оторвавшись на мгновение от экрана радара. — Ты думаешь, из него будет толк?

— Кто знает!..

Штурман передернул плечами.

— Я сам таким был. — Чуть усмехнулся краешком губы: — Помнишь, как меня маневр на толчке застал?

Рыцарь рассмеялся. Тогда от резкого поворота штурмана сорвало с вакуумного унитаза, и все то, что тевтон изверг из себя, всплыло и размазалось ароматным слоем по мундиру. Новичок долго не мог избавиться от запаха и от прозвища «Вонючка»... Впрочем, пожалуй, Ганс прав. Не стоило так

давить на сосунка. Ладно... Приказы командира не обсуждаются. Алекс вздохнул:

— Посмотрим. Там видно будет. Что у нас на пути?

Штурман мгновенно обернулся к радару:

— Пока — чисто. Идем строго по маякам. Груз ведет себя на удивление послушно. Так что проблем не предвидится. Предупреждений о смещении астероидных потоков в коридор тоже не поступало.

— Хорошо. Надеюсь, дотопаем до планеты без эксцессов и происшествий.

— Тоже на это надеюсь, командир.

— Когда прибудем, отправлю парня сопровождать груз. Он еще не привык к космосу, поэтому пусть пощупает ногами новый мир. Только на пользу пойдет. А то привык, понимаешь, считать Тевтонию единственным достойным местом во Вселенной.

Штурман вновь улыбнулся в густые усы и наклонился к панели управления вычислителем, пряча усмешку...

ГЛАВА 2

— Что-то наш канонир совсем приуныл! — заявил во всеуслышание механик, входя в столовую.

Свободные от вахты члены экипажа, склонившись над тарелками, промолчали. Впрочем, крыть было нечем — парень замкнулся в себе буквально за считанные часы. Под глазами появились темные круги, будто он третью ночь обходился без сна. Аппетитом новичок тоже не отличался. Так, покрутит ложкой в тарелке зуппе, молча погрызет армейский сухарь — и все. Ну еще выпьет два стакана компота или другого питья. Больше ничего. И — молчит. Только строго уставные «так точно» и «никак нет». Будто никого не видит или считает окружающих ниже себя, а потому брезгует общением.

Командир уже, откровенно говоря, считал дни до прибытия на орбитальную станцию, чтобы отправить фанен-юнкера на планету вместе с контейнером, поскольку

откровенно начинал опасаться либо вызова молодого канонира на дуэль кем-нибудь из стариков, либо обычного простонародного мордобоя, чем иногда грешили ветераны, устраивая «темную». Впрочем, пока обходилось, и слава богу!

Курт точно с таким же нетерпением ожидал конечного пункта назначения, поскольку надеялся, что там ему удастся подать рапорт на списание из-за непригодности. Конечно, это крест на всей карьере и несмыываемый позор, но... Лучше уйти самому, чем, если что случится, — не дай, конечно, Дева Мария! — то из-за собственной некомпетентности подвести, а то и стать виновником гибели этих людей.

Парень сутками зубрил наставления, переворошил все специальные справочники в поисках решения самых невероятных боевых задач. Правда, об этом практически никто не знал, кроме, естественно, штурмана и командира, в чьем непосредственном ведении находились данные агрегаты. Просматривая результаты, показанные на тренажерах, офицеры восхищенно цокали языками, сожалея о том, что с юношей все же придется расстаться. Ну не останется такой ас на их корыте! Штурман даже по просьбе Алекса побеседовал с ветеранами люгера, убеждая их потерпеть до Фобоса, конечной точки их путешествия...

Между тем все шло как обычно. Миновали тщательно охраняемый многочисленными «чистильщиками» проход в сплошном астероидном облаке, окружающем Тевтонию. Когда же люгер вышел в чистое пространство, заработали наконец основные двигатели, неся тупорылое туловище, усеянное клюзами торпедных аппаратов, к своей цели — большой, окруженной тремя спутниками, второй населенной планете в системе Солейля.

Сам полет прошел без проблем, если не считать того, что под конец рейса командир забеспокоился уже всерьез — фанен-юнкера в прямом смысле шатало от недосыпа, недоедания и плохо скрываемого отчаяния. Курт молчал, стиснув зубы, но легко было догадаться, что парень до ужаса боится списания с люгера. Ведь это был его первый боевой полет в

космосе, и если его выгонят, то больше чистых, не моргающих звезд ему не видать...

Орбитальная станция, висящая на геостационаре второй обитаемой планеты системы, была огромной. Впрочем, тевтоны всегда увлекались гигантизмом. Непонятно, откуда у них это взялось, может, просто сидело в крови, а может, и отголоски чего-то забытого в прошлом, но сверкающий в лучах приютившей Орден звезды металлический куб внушал почтение всем, кто его видел со стороны. Усыпанное по периметру многочисленными галереями с орудиями и антеннами радаров дальнего обнаружения, с пришвартовавшимися к выдвижным причалам десятками кораблей космофлота Ордена, тем не менее сооружение издали не казалось маленьким. А гигантский крест, символ Тевтонии, образованный более темными, чем остальные, панелями обшивки, первым бросался в глаза при приближении к станции.

Рулевой и в этот раз показал себя истинным мастером, виртуозом пилотажа. Ловко увернувшись от громадной граненой туши прущей внаглую бомбарды, Курт ловко выдернул люгер вверх, одновременно расцепляя магнитные захваты, в которых уютно покоился контейнер. Тот, неторопливо проплыл прямо в приемные сети, которые, автоматически спеленав подарок с родины, уволокли груз внутрь шлюзовой камеры. После этого крохотный кораблик устремился к гостеприимно сверкающему голографическими маркерами ангару, где ему предстояло пополнить припасы и дать отдых экипажу. Еще несколько минут — и вот наконец легкий толчок. Затем — тишина. Пилот устало положил руки на колени, прикрыл глаза и коротко бросил:

— Командир, прибыли.

— Вижу.

Алекс привычным движением перевел реакторы двигателя в холостой режим, затем включил общую связь:

— Внимание экипажу: прибыли в пункт назначения. Все свободные от вахты могут сойти с борта.

Курт поднялся было с кресла, но замер, остановленный жестом Брата. А тот продолжил в решетку микрофона:

— Особо не задирайтесь. Нас и так с прошлого раза не забыли.

Дружный рев был ответом, и юноша вдруг заметил, как усы командира на миг шевельнулись в усмешке. Но тут же легкая улыбка исчезла с его губ, и уже официальным тоном Дорт обратился к канониру:

— Фанен-юнкер фон Вальдхайм! — Внутри у Курта все похолодело. — Прошу вас выполнить некоторые формальности, связанные с нашим грузом. Необходимо сопроводить контейнер вниз, на поверхность. Доставка — орбитальным лифтом. После сдачи контейнера и подписания всех документов возвращайтесь. Получите внеочередное увольнение на Тевтонию в качестве компенсации.

— Слушаюсь, Брат-командир!

Словно глыба упала с его плеч: оставляют! Пусть и наломал дров в первом же рейсе, тем не менее командир оставляет его на борту! Алекс ловко метнул Курту плотно скрученный свиток:

— Сопроводительные документы. Оружие получите в арсенале.

— Так точно, Брат-командир!

Юноша рванулся к выходу из рубки и, уже выскакивая наружу, услышал самое главное:

— У вас четверо суток, фанен-юнкер...

Фон Вальдхайма словно обожгло, и вся радость улетучилась в мгновение ока — опять облажался! Не иначе, попал под взор Сатаны... А то с чего бы такое невезение?!

Массивный пехотный «Ричард» калибром в четыре линии¹, носимый боезапас к нему — шесть обойм по двенадцать патронов. Личный кортик — одновременно и статус дворянина. Брать доспехи? Пожалуй, не стоит... Насчет того, что он вызовет насмешки, имея при себе боевое ору-

¹ Л и н и я — тевтонская линия — 4 мм. Стандартный калибр личного оружия — 12 мм. Автоматического — 15 мм.

жие, можно не беспокоиться. По уставу при исполнении задания вышестоящего командира положено иметь штатное вооружение. Наоборот, на время командировки пистолет оградит от возможных конфликтов и унижений...

Курт быстро заскочил в каюту, торопливо переоделся в повседневный мундир песочного цвета со стилизованным серым нагрудником. На груди кителя распростер крылья вышитый золотом орел. Говорят, когда-то он был гораздо больше. Но сейчас превратился в два зигзага по краям застежки. Да на стоячем воротнике светло-синего цвета такие же точно крылья, но намного меньше, чем спереди! Впрочем, когда Курт заработает новый чин, — и птица станет больше! Значок Академии — на грудь. Взгляд на погоны — все на месте. Кобура на животе, словно припаянная, кортик слева, в пристегнутых к широкому ремню ножнах. Сапоги сияют. Готов!..

Вальдхайм приложил личный жетон к считывателю, тот звякнул и в динамиках прозвучало:

— Фанен-юнкер, пройдите в шестой лифт на сто девяносто четвертой палубе. Ваш груз ожидает отправки. Номер семь-семь-девять-семь-четыре-два. Получите маршрутизатор.

Из окошка скользнула серая карточка, высветившая после активации нужный маршрут. Оказалось, что контейнер совсем недалеко. Примерно минут десять быстрой ходьбы.

Убедившись, что контейнер с литиевой пастой закреплен надежно, Курт занял свое место в пассажирском отсеке орбитального лифта и подтвердил готовность к отправке. Едва над головой вспыхнул яркий свет, сигнализирующий отправление, юноша закрыл глаза и стиснул зубы покрепче. Пусть путешествие в кабине орбитальника не равнялось по комфорту со стартом любого корабля, тем не менее перегрузки тоже были немалыми. И если люгер вышел на орбиту Тевтонии за тридцать минут, то здесь путешествие должно было затянуться почти на четыре часа...

К удивлению, спуск оказался довольно плавным, и юноша не заметил, как уснул. Хвала Господу, что перед прибытием по салону растекся густой звук сигнального рога, оповещающий о конце пути. Легкий толчок, слышный даже сквозь покрытые термоизолирующим материалом стены кабины лязг причальных захватов. Последний предупредительный гудок.

Дождавшись очереди, молодой человек покинул свое место и устремился к выходу. Несколько шагов — и вот он уже снаружи. По глазам ударило невыносимо яркое солнце, легкие едва не обожгло горячим воздухом, напоенным каким-то пряным ароматом. Разница в тяжести почти не ощущалась. Несмотря на большие по сравнению с Тевтонией размеры планеты, плотность Фобоса была ниже.

Осмотревшись на платформе, Курт торопливо подошел к терминалу распределителя и воткнул сопроводительную карту в считыватель. Автомат озадаченно звякнул, потом урробно прогудел и выплюнул новые документы. Юноша едва не выругался вслух — удружил ему командир! Он-то рассчитывал, что сдаст контейнер и вернется на люгер. Не тут-то было! Не случайно срок командировки был таким большим. Оказывается, необходимо доставить груз на место назначения — в один из замков-фортов на северной границе. Впрочем, можно и в плохих обстоятельствах находить хорошее. Туда отправляется дирижабль, и его уже снаряжают. Сутки полета, там груз оприходуют. Назад Курт вернется на скоростном самолете. Так что хоть немного, но отдохнуть удастся. Зато будет возможность полюбоваться планетой с высоты птичьего полета. Ни один голофильм, никакие картины или снимки не передадут все ощущения от чужого мира...

Охлажденное кондиционером нутро пассажирского помещения огромного грузового дирижабля показалось юноше раем. Предъявив бумаги распорядителю на борту офицеру, Курт прошел на указанное место, пристегнулся, согласно требованию светящегося табло. От предложенного

обеда отказался. Есть, несмотря на часы, проведенные в лифте, не хотелось.

Наконец плоский блин объемом в несколько тысяч кубических футов¹ плавно взмыл в воздух. Заработали могучие двигатели, бешено замолотили громадные лопасти тяговых винтов, разворачивая дирижабль. Курт прильнул к квадратному иллюминатору. Внизу, куда доставал взгляд, расстилалась равнина, покрытая буйной зеленью. Где-то на горизонте синели едва заметные полосы горной гряды. Прямо под дирижаблем медленно проплыла территория космопорта с бесконечной ниткой космического лифта, теряющейся в синеве небес. Строгие кубики строений, взлетная полоса для атмосферного транспорта и военных кораблей. Решетчатая ферма стартовой катапульты для челноков, усеянная массивными кольцами электромагнитов. Серые квадраты керамических плит, которыми была выложена территория базы, вдалеке неуловимо растворялись на просторах Фобоса.

Дирижабль закончил разворот и лег, наконец, на курс. Двигатели взвыли, их шум проник даже сквозь усиленную защиту кабины. Земля, вначале медленно, потом все быстрее и быстрее стала уплывать назад. Курт откинулся в кресле, ускорение оказалось значительным. Серая окраска внизу быстро сменилась на зелено-желтую. Бесконечная саванна, с редкими вкраплениями небольших, из шести—десяти раскидистых деревьев, рощиц. Кое-где виднелись стада местных пасущихся животных. Или с высоты в густой, чуть ли не в рост человека траве мелькала спина местного хищника, охотящегося на травоядных.

Через некоторое время интерес Курта сменился равнодушием, затем — откровенной скукой. Юноша уже тяготился впечатлениями, когда настало время ужина. Паек, против обыкновения, отличался от стандартного наличием здорового куска мяса, которое буквально таяло во рту, настолько вкусным оно было! Да и напиток густого желтого цвета явно принадлежал к местной экзотике. Насытившись, Курт незаметно для себя задремал и очнулся, когда едва не выле-

¹ Кубический фут — 27 кубических метров.

тел из кресла — транспорт сбрасывал скорость, переключив винты на реверс.

Курт вновь приник к окну и ахнул. В густой ночи ярко светились многочисленные лучи прожекторов форпоста. Ну наконец-то первая половина пути подходит к концу! Между тем свет все усиливался, вскоре уже можно было различить и строения, и привычную, тщательно выложенную плитами поверхность.

Это место значительно отличалось от космопорта — высокие решетчатые столбы охранной системы, светящиеся коронными рядами статического электричества, ограждали периметр. Между тремя рядами таких вот излучателей скользили стального цвета кубы автономных големов-защитников¹, грозно поводя из стороны в сторону вмонтированными в башенки скорострельными пушками. Страшная штука! Запрограммированы на уничтожение всего живого, что переступит границы запрещенной зоны. Машина не станет разбираться, имеешь ли ты право на это или просто заблудился. Она не станет слушать ни мольбы о помощи, ни приказы. Просто массивный ствол изрыгнет порцию раскаленного металла, разносящего тебя на куски. На Тевтонии такие големы использовались только в экстраординарных случаях. Например, двадцать лет назад, когда шрехты в одной из резерваций попытались поднять восстание. Они убили всех свободных, находящихся в их досягаемости, и сожгли риги с урожаем, приготовленным к отправке. Им даже удалось разбить полицейский отряд, посланный на усмирение. И тогда администратор Области послал туда двух големов... Потом чиновника осудил Трибунал. Но — поздно. Почти пятьдесят тысяч шрехтов — мужчины, женщины, дети, старики — были перебиты без всякой жалости...

— Швартуемся, офицер!

Легкий толчок. И резкая тишина, от которой Курту в первый миг даже стало не по себе. Турбины смолкли. Огромная, но легкая туша транспорта застыла у причальной мачты. Снизу раздался гул лебедек, притягивающих цеппе-

¹ Г о л е м - з а щ и т н и к — боевой самоуправляющийся робот.

лин к земле. И вот наконец долгожданное объявление по громкой связи:

— Корабль прибыл в пункт назначения. Пассажиры могут покинуть свои места и приступить к своим обязанностям.

Как громко и пафосно! Курт едва сдержал улыбку — он был единственным посторонним человеком на борту, кроме экипажа. Наконец можно подняться, размять короткой гимнастикой немного затекшие суставы и отделаться от надоевшего груза.

В лицо вновь пахнуло жаром накаленной степи и густым пряным ароматом местной растительности.

— Вы, твари, работать! Живо!..

И грязные ругательства вдогонку. Молодой человек едва не споткнулся от удивления. Группа голых... нет, все-таки какие-то тряпки были обмотаны вокруг бедер, людей, грязно-коричневого, скорее даже черного цвета, словно вымазанных в угольной пыли, уныло завывая что-то однообразное, надрываясь, тянула трос, прикрепленный к контейнеру Курта. Да кто же они?! Юноша схватился за кобуру, но тут заметил одетого по форме юнкера.

— Что здесь происходит?!

— А вы кто такой? — заносчиво взглянул тот на Вальдхайма. — Новенький? — Потом разглядел его нашивки и лениво отдал честь. — Не волнуйтесь, фанен-юнкер. Я — принимающий мейстер. Вы, как я понимаю, сопровождали топливо?

— Так точно! Фанен-юнкер Курт фон Вальдхайм с люгера «Фон Валленберг», доставившего контейнер.

Местный едва не выругался вслух, но сдержался.

— И командир погнал вас через четверть планеты, когда контейнер можно было передать любому члену экипажа почтовика? Маразм! Вот же... — дернул он головой, потом вновь заговорил: — Впрочем, вы в этом идиотизме не виноваты. Идите по этой линии, через два корпуса — гостиница. Там можете переночевать. Я распоряжусь. Документы о приемке лития будут ждать вас утром. Почтовый рейс отбу-

дет в двенадцать ноль-ноль. А до той поры придется поспу-
сать на форпосте.

Юноша благодарно кивнул и поинтересовался:

— А все-таки что это за шрехты? Никогда таких не ви-
дел...

— Негеры. Местные. Пытаемся их приручить, кое-чему
обучить, но ничего не выходит. Тупые твари. И ленивые.
Только кнут и понимают...

— Спасибо за пояснение, юнкер.

— Готфрид. Ладно, идите, Вальдхайм. Утром увидимся.

Курт отдал честь, развернулся и отправился в гостиницу...

Гостиница оказалась типовым баракком. Правда, ухоженным
и новеньким, еще поблескивающим свежей эмалью. Впрочем,
все постройки форта выглядели так же. Молодой человек спо-
койно прошествовал по вымощенной плиткой дорожке, вдоль
которой росли невысокие кусты, аккуратно, по-орденски, под-
стриженные. Поднявшись по ступенькам крыльца, прикрытого
навесом синего стекла от палящего днем солнца, фанен-юнкер
толкнул дверь и оказался в прохладном холле. Завидев незнако-
мого офицера, сидевший за столом кнехт в пятнистом обмун-
дировании вскочил и отдал честь, стукнув кулаком по груди, а
затем выбросив руку вперед:

— Во имя Господа!..

— И Пресвятой Девы Марии! — ответил Курт. Он
устало положил перед солдатом командировочное предпи-
сание и вынул из кобуры оружие. Кнехт сунул карточку в
считыватель, внимательно пробежав глазами высветившие-
ся в воздухе строки, утвердительно кивнул:

— Номер двадцать четыре, господин фанен-юнкер. Ору-
жие заберите с собой. Здесь Приграничье, так что — свои
порядки.

Звякнули древние, архаичные ключи на деревянной гру-
ше. Увидев удивленное выражение гостя, солдат пояснил,
коротко пожав плечами:

— Приграничье, господин офицер... Не желаете че-
го-нибудь перекусить с дороги?

- Нет, спасибо, кнехт. Где я могу принять душ?
- Голубая дверь по коридору в конце.
- Спасибо...

После прохладного душа, смывшего грязь и пот, молодой человек почувствовал себя намного лучше. Все же осознание того, что он находится на чужой планете, да еще невыносимая духота незаметно для организма навалились тяжелым грузом, несмотря на бушующий в крови адреналин. Вытянувшись нагишом на белоснежных простынях из натуральной ткани, приятно холодивших кожу, незаметно для себя Курт задремал, не удосужившись даже прикрыться хотя бы полотенцем. Впрочем, вскоре, озябнув, проснулся и, торопливо натянув нижнее белье, вновь устроился в кровати...

Пробуждение было ужасным. Дико взвыл тревожный рог, своим низким гулом заставляя вибрировать даже кости черепа. Тело, натренированное годами учебы, действовало само. Спустя минуту Курт уже был в коридоре. К его удивлению, давешний кнехт оказался облаченным в полное боевое снаряжение.

— Господин офицер, как вы вовремя! Я уже хотел бежать вас будить. Держите!

Солдат нагнулся и выудил из-под стола продолговатый контейнер, в котором Курт узнал стандартный бронекостюм пехоты.

— Доводилось пользоваться?

Юноша молча кивнул и тут же натянул доспехи. Следом на столешницу легли тяжелый пятилинейный автомат с коробкой запасных магазинов и кубик переговорного устройства.

— Шестой канал, господин офицер. Сейчас выдвигайтесь к штабу. Самое высокое здание через две линии отсюда. Выйдете — увидите сразу. Там обратитесь к дежурному, он вас пристроит.

— А что, собственно говоря, происходит?

Вальдхайм наконец проснулся и решил, что стоит поинтересоваться. Может, это обыкновенная учебная тревога, и

тогда можно со спокойной совестью продолжить сон? Но, против ожидания, лицо кнехта стало суровым. Вся вежливость и подобострастие шрехта перед настоящим человеком мгновенно слетели с солдата, и он коротко бросил одно-единственное слово, заставившее новичка побледнеть:

— Партизаны!

Неведомый ужас незапамятных времен... То, чем матери-тевтонки пугают непослушных детей. Чудовища, не имеющие ничего святого и не брезгующие никакими мерзостями, не соблюдающие законов войны. Из легенд было известно, что живых после встречи с этими исчадиями ада не оставалось никогда...

Кровь вновь вскипела от адреналина, Курт встряхнулся, ощущая, как мышцы наливаются силой. Короткими, скупыми движениями он проверил обмундирование, автомат. Тот был ухожен и находился в отличном состоянии. Сто восемьдесят запасных патронов в пяти магазинах, не считая того, что вставлен в приклад оружия. Две гранаты в сумке, полагающейся к бронекостюму, плюс дополнительно зажигательная и специального действия — ослепляющая. Ножа не полагалось, зато у Курта был фамильный кортик. Ну и несколько встроенных в броню интересных и необходимых для выживания в любых условиях вещей. Коротко взглянув на забрало тактического шлема и убедившись в полной зарядке энергобатареи, фанен-юнкер шагнул к двери, сопровождаемый голосом кнехта:

— Не забудьте, господин офицер, через две линии, самое высокое здание городка, шестой канал!..

Вальдхайм перешагнул через порог и внезапно почувствовал, что на душе у него становится очень скверно...

ГЛАВА 3

Едва оказавшись за дверью, молодой человек сразу увидел штаб форта, о котором ему говорил кнехт. Массивный куб, выложенный бронеплитами, уставленный по периметру крыши мощными прожекторами, направленными в сто-

рону ограждения. На улице была еще ночь, но темноту в клочья разорвали лучи охранной системы. Но аллеи городка оставались пустыни. Впрочем, как раз это объяснялось очень легко — весь гарнизон давно уже занял положенные по тревожному расписанию позиции.

Бегом, не обращая внимания на указатели, перемахивая через живые изгороди и уродуя аккуратно постриженные искусственные лужайки бронеботфортами, Вальдхайм рванулся в нужную сторону. Десять секунд бега, и вот он уже прямо на ристалище перед штабом. Набирает силу свечение силового электростатического поля возле здания. Земля задрожала, когда на максимальную мощность вышел реактор, питающий ограждения и охранные системы. Юноша в душе порадовался, что доставил топливо вовремя — хотя литиевые генераторы были очень мощны, но и жрали топливо, словно голодный абориген после недельного поста.

— Стой! Кто такой, откуда?

Усиленный динамиком голос лязгнул, словно металлический. Курт выхватил из нагрудного кармана карту-опознаватель и вскинул ее над головой. Тончайший, невидимый глазом лучик считывателя коснулся ее своим концом и, пробежав полоску кода, убрался. Треск разрядов статики прекратился на мгновение, и в сияющей пелене появился проход. Юноша мгновенно подхватился и вновь рванулся вперед.

В холле штаба было на удивление многолюдно по сравнению с остальным городком, почти десяток офицеров, среди которых Курт увидел даже Брата с нашивками баллемейстера¹. Как положено, юноша сразу застыл по стойке смирно и отдал честь привычным жестом.

— Фанен-юнкер Курт фон Вальдхайм, ваше превосходительство! Канонир люгера «Фон Валленберг». Сопровождал доставленный кораблем груз, прибыл в форт вчера, с почтовым дирижаблем.

— Ясно. Значит... — Вопросительный взгляд. По-видимому, в суматохе старший по званию не расслышал представления толком.

¹ Баллемейстер — один из высших чинов Ордена.